

Люба, исполняющая желания / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Люба, исполняющая желания / рассказ ЛЮБА, ИСПОЛНЯЮЩАЯ ЖЕЛАНИЯ

Что вы знаете про невзрачных женщин? Ничего. Существа – невидимки. Работает в нашем офисе одна такая – Люба. Я ее раньше вообще не замечал. Одевается неброско – старомодные платья ниже колен, кофточки какие-то то ли синего, то ли серого цветов. Дешевый пуховичок. В офисе ее почти не видно, на фоне других девушек мимикрирует под цвет офисных перегородок. Я бы ее и не рассмотрел, если бы Колян, коллега по отделу, не начал мне про нее барабанить, что она исполняет желания. Не в том смысле, что в постели – до таких желаний не много желающих нашлось бы, а вообще, любые, если ее правильно попросить.

На новогоднем корпорате, когда я уже достаточно сфокусированный был и раздумывал над вариантами, Колян снова ко мне с тем же стейтментом подваливает.

– Не веришь? Я тля буду! Помнишь, как Степка начальником отдела хотел быть, и оп-па! Как с Любой стакнулся, глянь – ка, начальник, а ведь вшивый помощник менеджера был. А Волдырь, видал, на Феррари ездит – это же всегда его мечта была. Он же на этих Феррари совсем вольтанулся. Тоже Люба помогла. А Терминатора, знаешь, курьером у нас работал, имбецил перекаченный. В кино сниматься хотел. Я его недавно в телике видел, в бабском каком-то сериале. У всех сбывается. Магия у Любы какая-то есть. Она помогает тем мужикам которые ее это, ну того, ублажили.

– Трахнули, что ли?

– Ну а как еще бабу можно ублажить?

– Не знаю, комп от вирусов почистить. Сумки до дома донести. Туча способов.

– Ну, донеси, попробуй. Может сработает.

– А сам-то чего?

– Я пока думаю. Тут важно сформулировать правильно. А то, помнишь, Пашков летать хотел?

– Это который из окна во время проверки выпал?

– Не, другой. Хочу заметить, летать – не падать. Нет. Стюарпом теперь работает. Как педрила какой-то.

– Почему педрила?

– Ну а кто? Мужик что ли?

Пока Колька мысленно классифицировал сексуальную ориентацию сотрудников авиакомпаний, я допил залпом вискарь и еще раз внимательнее пригляделся к Любе.

Женщина как женщина. Все, вроде, при ней. Невысокая, кругленькая, лицо сердечком. Волосы пегие, глазки блестят, нос огурчиком. Если на нее правильно свет направить и фокус навести, то даже какое-то шевеление проявляется. Но и сомнения есть.

Стал я размышлять над этим дальше. Еще виски себе подлил. Последний, кстати. Пока пил, вспомнил, что было у меня одно страстное желание. Глупое, конечно, детское, еще с тех времен, когда пубертат крыл, как буря мглой. А мечтал я останавливать время. Но не просто так, а чтобы красоток раздевать и делать с ними, что заблагорассудится, а потом снова их одевать и время запускать заново. Я так подробно себе это представил, прям как в детстве. Особенно тот момент, когда они такие вдруг очухиваются, встряхиваются, а сами ничего не помнят, но телом чувствуют, нечто приятное с ними было. А я смотрю на это и многозначительно улыбаюсь, один во всем мире зная, что на самом деле произошло.

Пока все это мельтешило в моем уме, я, оказывается, уже шел к Любе сквозь полную пьяных коллег переговорку. И когда я взглянул на нее, аккуратно стоящую у стены с пластиковым стаканчиком шампанского, на лице моем еще плавала та сладостная усмешка. И Люба как будто сразу все про мечту мою поняла. Потому что она сказала:

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно.

– Что? – растерялся я.

– Да я все ждала, подойдешь – не подойдешь. Думаешь, не знаю,

что вы с Колькой обо мне говорили.

– А если знаешь, скажи, правда это или нет.

Она пожала плечами и покраснела, то ли от стеснения, то ли от сознания своей власти. И я вдруг подумал, что она милая, особенно когда вот так улыбается ямочками и смотрит в пол. Хотя, конечно, простовата. Может, еще бухнуть?

– Давай выпьем? – опять угадала мое желание Люба.

– Кончился крепыш, – я с сожалением развел руками.

– А у меня есть, – и она извлекла из тумбочки бутылку виски.

– Да ты, Люба, волшебница, – удивился я, скручивая бутылке крышку и чувствуя, что Люба нравится мне все сильнее.

Выпили. Она, правда, от вискаря отказалась, пила шампанское.

– Пойдем, покурим, – перекрикивая дебильную музыку, предложил я.

– Пойдем.

Курилка у нас на улице. Стоим. Москва вокруг вечерняя, сугробы грязные, люди домой спешат. Новогодняя иллюминация мигает. Неужели это и есть новый год? И что значит, новый? Будто какой-то предмет. А он не предмет, он время. Его не остановишь, идет и идет. Хотя, куда идет? Мы же никакого движения времени не видим. А видим этих людей, и автобусы, и машины, которые проносятся по слякоти города. И такое странное чувство нереальности охватывает. Будто все это сон, муторный, бредовый. И только Люба в нем – настоящая, стоит на морозе, улыбается ямочками и смотрит с такой верой во все происходящее, что превращает все это пьяное марево в реальность одной силой своего взгляда.

Люба курила, обхватив себя руками и насмешливо глядя мне в глаза. Она ожидала от меня чего-то.

– Ну, – наконец не выдержала, – и чего тебе от меня надо.

Я как-то вдруг застеснялся вываливать на нее корыстный интерес. Потупился, приобнял ее, говорю:

– Замерзла?

– Ого! Такой красавец, а пристал к замухрышке. Тебе бы Маринка подошла, из бухгалтерии. Или Олечка, новый секретарь.

– А мне ты нравишься, – тут я и вправду ощутил прилив такой симпатии к ней, что внутри погорячело. Надвинулся на нее,

руками обхватил и притиснул к стене, что она аж ойкнула и замлела. От тела ее шел легкий ток, от которого все во мне поднималось и куда-то несло. Я даже Пашкова вспомнил, стюарта, который летает. Не зря он полетел. Есть с чего. И я поцеловал Любу. Губы у нее пахли пряником, как и сама она, а еще мандаринами, морем и немного, в отдалении, вискарем. Странно, вроде она шампанское пила? Как это в ней смешались мои любимые запахи?

– Ух ты! – отстранилась она и ресницами захлопала. А под левым глазом крапинками отпечаталась тушь.

– Может, к тебе поедем? – не ослабляя напора, предложил я.

– Я так сразу не могу, мне надо к тебе привыкнуть.

– А сколько требуется времени?

– Пока вискарь допьешь.

– Ах ты, проказница!

У нее была однокомнатная маленькая квартирка, чистая и уютная. Мы не успели даже разложить диван. Она попросила погасить свет, и все происходило наощупь, пьяно, с какими-то несуразными недоразумениями, один раз я кота принял за ее ногу. Но когда мы состыковались, дело пошло по-нарастающей. Отбивали телами триоли и секстоли в темноте, и я вдруг понял, что вот он – пульс времени. Только наощупь, пьяными, занимаясь любовью, можно понять, как оно идет и стоит одновременно.

Я упал на диван и дышал. Было немного страшно. После первого секса с женщиной всегда словно после наркоза – думаешь, как я сюда попал. Возбуждение отпускает, и все может измениться до неузнаваемости. Порой наваливается такой стрем вперемежку со стыдом, что думаешь, да ну нахрен, никогда больше. И дело не в том, что там страшная и какая-то не такая, а просто – не та. И заранее этого не знаешь. Ну, может, где-то на подсознании, но никогда не берешь в расчет. А тут сразу наваливается понимание.

– Спасибо! – сказала она, и я ощутил что-то мягкое и теплое: она прильнула ко мне грудью или щекой. – Так хорошо было, – глубокий и вибрирующий голос был полон чего-то нового. Он обволакивал, как бархатная темнота.

– Да за что спасибо-то, – я вдруг понял, что отвращения у меня

к ней нет, даже наоборот, удовольствие, будто сделал что-то хорошее и правильное. Я даже удивился про себя.

– Как, не за что? Звездочку мне достал, – она хохотнула.

Звездочку, точно, вспомнил, я же хотел желание загадать. Неудобно, конечно, как-то после всего. Я в задумчивости повернулся на бок и погладил смутно видимый в темноте силуэт – живот, грудь, шею, подбородок – наощупь она показалась мне удивительно красивой. От нее шел уже не ток, а ровное расслабляющее излучение, к которому хотелось прильнуть и спать.

– Люба! – сам не ожидая, позвал я.

– Ммм?

– А правда, что ты желание можешь исполнять?

По телу ее пробежала волна напряжения, она зашевелилась, скинула мою руку и, судя по звуку, тоже повернулась ко мне боком.

– С чего это ты взял?

– Колька сказал.

– А, может, я его подговорила.

– Зачем?

– Может, влюбилась в тебя.

– Да ну...

– Так ты поэтому со мной замутил?

– Нет, не поэтому, – слишком быстро начал я оправдываться. – Не только поэтому.

– И чего же ты хочешь?

– Я... – я задумался, вспоминая чего же я хочу. Останавливать время? Вот глупость. Да и ради чего? Чтобы спать с женщинами? Бред. Теперь я и так могу. И потом, я же тогда быстрее других состарюсь. Так! Стоп! Это все плод моего пьяного воображения. Время? Желание? Но я здесь лежу. И выполнил условие. И она ждет. А вокруг темно, словно в Марианской впадине.

– Я хочу в Марианскую впадину спуститься, – зачем-то вдруг выпалил я, и тут же спохватился – во дурак! В Марианскую впадину?! Seriously?

– Может, чего-то нормального пожелаешь: денег там или квартиру?

Я представил себе деньги – чемодан, как в кино, полный купюрных пачек. Потом квартиру. Ни от какой из воображаемых картинок не екнуло у меня внутри. Похоже, и правда, дурак.

– Я не знаю, чего желать.

– Помнишь сказку про цветик-семицветик.

– Неа.

– Там девочка желания загадывала – и все желания оборачивались для нее проблемой. Тогда она поняла, что надо загадывать для других.

– Для кого же мне загадать?

– Не знаю. Для мамы.

– Пусть... Пусть... Пусть... У всех в мире все будет хорошо!

– Ты мой милый, – я ощутил на лице ее руку. – Ладно, пусть у всех все будет хорошо! А теперь давай спать. Утро вечера мудренее.

Утром на улице было так морозно и солнечно. Я шел к автобусной остановке и улыбался. Эх, надо было машину просить. Или яхту. Дурак! Но зато я шел и мир казался таким свежим, лучащимся и красивым, потому что в нем по моему желанию теперь все было хорошо! А я смотрел на это и многозначительно улыбался, один во всем мире зная, что на самом деле произошло. Neкаýalar